

КАРТЕР БРАУН

ТРУП НА СЦЕНЕ

КЛАССИКА
ЗАРУБЕЖНОГО
ДЕТЕКТИВА

Картер Браун Труп на сцене

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=149273

Аннотация

Лейтенант Эл Уилер из службы окружного шерифа города Райн-Сити сталкивается с загадочными убийствами, распутать которые, кажется, нет никакой возможности. Его шеф и коллеги своими советами только еще больше запутывают дело. Тем не менее умение сопоставить факты и рассказы свидетелей помогают Уилеру выпутаться из самых запутанных ситуаций.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	21
Глава 4	33
Глава 5	40
Конец ознакомительного фрагмента.	48

ТРУП НА СЦЕНЕ

Картер БРАУН

Глава 1

– Вы что, кроме секса, ни о чем другом думать не в силах?

– Даже не знаю. Никогда не пытался.

– В следующий раз, когда я поеду с вами в такси, Эл Уиллер, то надену панцирь и кольчугу, – задыхаясь, прошептала Аннабел Джексон, лихорадочно одергивая задравшуюся юбку.

Я взглянул на замызганную неоновую вывеску, которая читалась бы как “Золотая подкова”, гори в ней все буквы. Ниже помельче светилось: “Полуночная в полночь”.

– Это то самое место? – спросил я Аннабел. Вместо ответа она решительно схватила меня за руку и потащила ко входу. По ступенькам мы спустились в подвал.

– Да, это здесь. Вам понравится.

Мы нашли свободный столик у стены и приземлились. Надо сказать, подвал был здоровенный, но все же это был подвал, безо всякого намека на вентиляцию. В насквозь прокуренном помещении было душно, дым стоял коромыслом, так что были едва различимы лица людей, сидящих за соседними столиками.

Неряшливо одетый нечесаный официант склонился над нашим столиком, уставившись сальными глазенками на Аннабел.

– Что будете пить, ребята?

– Виски со льдом. И будьте любезны, вымойте сначала стаканы.

– Это вам обойдется дороже. Я посмотрел на Аннабел.

– Частенько я задумывался, где же собирается преступный мир Пайн-Сити. Уж теперь-то я точно знаю...

– Да оглянитесь вокруг, – возразила девушка, сразу заметите, что у всех преступников на редкость высокие лбы и очки в роговой оправе. Да это же приют для интеллектуалов.

– Зачем это им забираться в такую дыру?

– Джаз – вот в чем все дело. Оркестр состоит всего из трех музыкантов, но они знают толк в своем деле. Кларенс Несбит играет на контрабасе, Куба Картер – на ударных, а Уэсли Стюарт – на трубе. О них никто и не слышал, пока они здесь не объявились пару месяцев назад. А сейчас весь город только о них и говорит.

– Но не я.

– Есть еще кое-что. Это вас должно заинтересовать. “Полуночная в полночь” – реклама не врет.

– Это что, цитата из Гертруды Стайн?

– Ее зовут Полуночная О'Хара. И представьте себе, она начинает петь Всегда ровно в полночь. – Аннабел взглянула на часы – Осталось каких-то пятнадцать минут.

– У меня дома масса шедевров мировой музыки. На пластинках. А вертушка вообще одна из лучших...

– Кажется, вы что-то забыли, Эл? – ледяным тоном отрезала девушка. – Я боюсь щекотки.

Принесли виски. Ставя стаканы, официант просто пожирал глазами Аннабел.

– Вот это да! – в восхищении брякнул он. – Вот это класс!

– Мадам со мной, – не слишком вежливо объяснил я нечесаному.

Он смылся, укоризненно помахивая мне салфеткой.

– Подождите, скоро вы их услышите! – решительно заявила Аннабел. – Эти парни работают в основном в нью-орлеанском стиле, но приближаются к чикагскому. Сами сможете услышать этот характерный ритм-шафл...

К счастью, ее голос заглушила музыка. Трио начинало играть “Я нашел новую подружку”. Я осторожно попробовал виски: мои наихудшие предположения оправдались.

– Ну как вы их находите? – возбужденно спросила Аннабел. Мелодия кончилась.

– Шумновато. В моем проигрывателе есть ручка регулировки громкости, и с ней можно делать что угодно. Могу также добавить, что виски у меня дома наливают из настоящих шотландских бутылок, могу показать этикетки и пробки...

Мой голос потонул в буре криков и аплодисментов. Объявили выход Полуночной О'Хара. Я наблюдал за лучом про-

жектора, который, пометавшись несколько секунд, поймал поднимающуюся на сцену Полуночную.

Да, это была женщина! Полуночная О'Хара.

Высокая блондинка с темными глазами, темными, как ночь. Под плотно облегающим тело черным платьем явно не было лифчика. Соски так и рвались наружу. Платье прилипло к бедрам, обозначая холмик внизу живота. Полуночная была и без трусиков.

Она выглядела просто ошеломляюще прекрасной, когда протянула руку и взяла микрофон.

И начала петь.

Когда она запела, то сразу же стала единственной женщиной на земле, которую вы бы возжелали. Попадание было точным.

У нее был свой стиль, неповторимая интонация, глубина... Описывать это можно десятками тысяч слов, объяснять, анализировать, но все равно ее голос выворачивал вас наизнанку.

Она спела “Сумасшедший блюз”, потом “Околдованную и очарованную”. Закончила выступление песней “Леди-бродяга”.

Когда шум аплодисментов стих и трио стало импровизировать на тему “Китайчонка”, Аннабел выжидающе взглянула на меня.

– Как она вам?

– Если бы еще и разделась во время пения, я бы доплатил

за виски.

Какой-то охламон подошел к столику, наклонился и в восхищении уставился на Аннабел.

– Черт побери! – охнул он. – Что за прелестная куколка!

– Отвали! – рявкнул я. Ноль эмоций.

– А не покружиться ли нам вдвоем? Можем организовать здесь настоящий бал.

– Скройся! – отрезала Аннабел.

– Ну потанцуйте тогда с вашим другом, если уж со мной не желаете, – пробормотал он, глядя на меня глазами полусонной жабы.

– Сказали тебе – убирайся!

Парню было лет тридцать. Он явно не ограничивал себя в еде, а пару последних дней, похоже, не брал в руки бритву.

Проглотив мою фразу, он с трудом выпрямился.

– Я бы назвал это неблагородным, – буркнул он, отчаливая от нашего столика.

Я видел, как он шаткой походкой проследовал в дальний конец подвала и скрылся за дверью.

– И это местечко очаровало вас, Аннабел?

– Достойное место. Где еще можно услышать такой джаз?

– Я уже вам говорил. В моей...

– Эта музыка заводит меня. Просто не могу понять, почему она на вас совсем не действует, Эл. Никогда не думала, что вы такой тьюфак.

Я внимательно посмотрел на нее. Как и Полночная О'Ха-

ра, она не носила бюстгалтера. Теперь остается только выяснить насчет трусиков.

– Ну уж я-то вас так никогда не назову, дорогая.

– Я выражалась фигурально.

– Я тоже.

– И вы еще удивляетесь, что девушка боится идти к вам домой. Да вы единственный мужчина, чей взгляд я буквально физически ощущаю.

– В моей квартире вам будет предложено прекрасное шотландское виски и прелестная музыка, – в отчаянии воскликнул я.

– Со всем сопутствующим, в чем признаются молоденькие девушки на страницах журналов для женщин. Нет, благодарю, Эл. Я предпочитаю зажигательный джаз, но холодных мужчин.

Опять появился нечесаный официант.

– Вы весь вечер собираетесь просидеть только с одним виски?

– Можете принести еще. Все равно умирать. Лохматый сгреб стаканы и удалился.

– Вы хоть понимаете, что я уже просаживаю на вас второй доллар за вечер, Аннабел Джексон? А вы даже не соблаговолите на секунду заглянуть в мою квартирку!

– А вы не забыли о плате таксисту? – проворковала девушка. – Или водитель заплатил вам за представление на заднем сиденье?

Я уж было собирался горячо возразить, но в этот момент трио начало опять играть. Зазвучал “Парад на пустынной улице”, и говорить стало совсем невозможно. Я закурил сигарету и принялся размышлять, привлечет ли Аннабел возможность послушать версию Джулии Лондон знаменитой вещи “Я сдаюсь” в моей квартире, и вообще, смогу ли я когда-нибудь заманить ее в свою конуру.

Мир моих розовых мечтаний был неожиданно вдребезги разбит диким криком и последовавшим за ним выстрелом.

Через пару секунд парень, пытавшийся выразить Аннабел свое восхищение, появился перед трио музыкантов.

Он выглядел точно так же, как в первый раз, если не считать огромного пятна крови, расползающегося по небесно-голубой сорочке. Какой-то миг он постоял, покачиваясь из стороны в сторону, озираясь вокруг мутным взглядом.

– С ума сойти! – промычал он.

Потом рухнул прямо лицом на сцену. Со своего места я ясно видел, что мертвей его вряд ли можно кого-нибудь, представить.

Глава 2

К тому времени, когда я добрался до трупа, процентов пятьдесят любителей джаза посчитали за лучшее смотреться, а остальные пятьдесят сгрудились у дверей. У меня не было никакой возможности остановить их.

Пуля попала бедняге прямо в грудь. Мне было непонятно, как он смог оставаться живым и дать последнюю оценку “Параду на пустынной улице”.

Троица музыкантов безразлично взирала на меня, когда я поднялся на ноги, отряхивая пыль с колен. Ко мне нерешительно приблизился неряха-официант.

– Вы доктор? – пробурчал он.

– Простой полицейский, – ответил я, в доказательство предъявляя ему личный жетон.

– Слава Богу. Я совсем не знал, что делать. Все не мог решить, вызывать сначала врача или полицию. А сейчас уже и решать ничего не надо.

– Кому принадлежит это заведение?

– Мне, – позади меня раздался хриплый голос. – Что происходит?

Я повернулся, и перед моим взором предстала очаровательная Полуночная О'Хара. Она стояла совсем рядом со мной, свет падал сзади нее, благодаря чему я мог любоваться всеми изгибами и округлостями ее тела. У меня перехватило

дыхание. Я глубоко вздохнул и на миг закрыл глаза.

– Эти духи... У них есть название?

– Естественно. “Полночь”. Я спросила: что происходит?

– Убийство. Если только этот тип не застрелил себя сам, а потом проглотил пистолет. Хотя меня и это бы не удивило.

Она взглянула на покойного поклонника джаза с отвращением.

– Кто это?

– Во всяком случае, не мой друг, – ответил я и посмотрел на официанта. – Ваш брат?

– Я его здесь никогда раньше не видел, – быстро ответил лохматый. – Вообще никогда не встречал этого типа!

– Ну а теперь и никогда больше не встретите. Это уж точно.

– Если вы на самом деле офицер полиции, разве вы не собираетесь что-нибудь предпринять? – требовательно спросила Полуночная О'Хара.

Я глянул по сторонам и увидел, что в подвале осталось только с полдюжины посетителей, да и они выглядели так, будто не могут покинуть подвал без посторонней помощи.

Еще было похоже, что они искренне надеются на быструю помощь.

– Где здесь телефон?

– В моем офисе, – ответила Полуночная. – Я провожу вас.

– А вы оставайтесь здесь, – приказал я официанту, – и проследите, чтобы никто не дотрагивался до трупа.

Официант пожал плечами.

– Да кому это взбредет в голову?

Я последовал за Полуночной через дверь в задней части сцены, на которой по-прежнему сидели музыканты, бессмысленно уставившись в пространство. Казалось, они вот-вот заиграют “О, как он гулял” для мертвеца, лежащего у их ног.

Полуночная шла, вертя всеми доступными моему взгляду частями тела. От такого действия руки мои нестерпимо зачесались и в паху все окаменело. Вот это женщина!

В одном углу офиса стоял письменный стол со стулом, а в другом – трюмо. На полу лежала шкура тигра, стеклянные глаза которого выражали неземное наслаждение. Я подумал, что это вполне объяснимо. Большинство тигров даже мечтать не могут, чтобы валяться в офисе-гримерной красивой девушки в течение целого дня, да и ночи тоже. Особенно если эта девушка похожа на Полуночную О'Хара.

Устремив взор на ее прекрасной формы грудь, лаская глазами рвущиеся на свободу соски, которым было явно тесно в узком платье, я поднял трубку и набрал номер отдела. Дежурил Хэммонд, и я рассказал ему все, что случилось.

– Я сразу пришлю сержанта Полника, а потом других парней. Сам прибуду попозже. Получил тут кое-какие улики по делу об убийстве Херста. Задержал муженька, и все идет к тому, что тот вот-вот должен расколоться. Мне необходимо при этом присутствовать.

Займись пока сам этим делом, Уиллер.

– Лейтенант Хэммонд, – произнес я сладким голосом, – так уж произошло, что именно сегодня у меня выходной. У меня нет ни малейшего желания торчать здесь, пока вы там лупцуете по ушам безвредного супруга, совершившего вполне обоснованное убийство.

– Ах да, конечно, Уиллер. Идите прямо домой! Естественно, все это будет выглядеть не так гладко в моем письменном рапорте, но...

– О'кей, – кисло пробурчал я. – Я останусь здесь, но мне все это отнюдь не нравится.

– Какое самопожертвование! И постарайся не пропустить какую-нибудь важную зацепку.

– С каких это пор вы знаете, как выглядят эти чертовы зацепки?

Я подержал трубку в двенадцати дюймах над телефонным аппаратом и резко выпустил ее. Она с грохотом опустилась на рычаг, и если мне повезло, у Хэммонда могли лопнуть барабанные перепонки.

Я заметил, что Полуночная нетерпеливо наблюдает за моими действиями. Под платьем были видны длинные, превосходно изваянные ноги и четко прорисовывающийся треугольничек в паху. Когда она двигалась, ее классически сформированная грудь соблазнительно колыхалась.

– Ну так вы собираетесь что-нибудь делать?

– А что именно?

– Ну, начать расследование или как это у вас называется. До каких пор этот мертвец будет здесь лежать, нанося урон моему бизнесу?

– Какое-то время ему еще придется полежать. Надо, чтобы его осмотрел наш врач, нужно его сфотографировать в разных ракурсах. Все эти рутинные действия нужны нам, чтобы не оставаться безработными. Я даже и не вспомню, кто это все придумал.

Я закурил сигарету.

– Так как ваш официант занят в настоящий момент, можно я обслужу себя сам? – Находясь так близко от нее, мне просто необходимо было что-нибудь выпить. Хотя бы для того, чтобы занять руки.

– Найдете все необходимое вон в том баре, там вполне достаточный ассортимент. Вы всегда пьете на работе?

– Нет, только тогда, когда есть возможность, – пришлось мне признаться. Я открыл дверцу бара.

– Вам что-нибудь плеснуть?

– Водку с тоником. Это для моих нервов.

– А что для вашей фигуры? Она просто восхитительна.

– Типичный подход фараона, – она ухмыльнулась. – Прямой и тупой.

– С соответствующей практикой у меня будет лучше получаться.

Я налил девушке водки, а себе шотландского виски, на этот раз настоящего. Выражение отрешенности было на ее

лице, когда Полуночная взяла стакан.

– Вас что-то волнует?

– Просто задумалась, – с горечью в голосе ответила девушка.

Через пять минут в комнате появилась небольшая процессия. Во главе сержант Полник, за ним – доктор Мэрфи.

Доктор с любовью взглянул на меня.

– Когда-нибудь настанет тот чудесный день, когда я подберусь к тебе достаточно близко со скальпелем в руке, чтобы вскрыть твой череп и выяснить, что же блокирует твои уши.

– Да ничто не блокирует мои уши. У меня стопроцентный слух.

– Только не говори мне этого! Если у тебя нет затычек в ушах, так как же тебе удастся удержать вакуум в голове?

– Это доктор Мэрфи, – представил я его Полуночной. – В определенных кругах известен как “Малыш-Убийца, инкорпорейтед”. У него есть уже два кладбища собственных пациентов.

– Но она не похожа на труп, – возразил Мэрфи, пожирая глазами Полуночную. – Она еще дышит. – Он глубоко вздохнул.

– Что за противный человечек. – Полуночная нахмурилась. – Он почти так же отвратителен, как и вы сами. Полник вежливо кашлянул.

– Лейтенант?

– Сержант?

– Нас тут целая бригада. Мы можем начинать?

– Думаю, да.

Мы вышли из офиса и прошли на сцену. Мэрфи опустился на колени рядом с телом и начал его осматривать.

– Мне нужно его увезти. Вы сначала все сфотографируете?

– Наверное. Так положено.

Фотограф сделал свои снимки, и Мэрфи перевернул тело.

– Пуля прошла через левое легкое. Наверняка попала прямо в сердце. Смерть была мгновенной.

– С ума сойти! – только и вымолвил я. Доктор встрепнулся.

– Что ты там сказал?

– Это не я сказал, – объяснил я ему. – Это он, – я показал на труп. – Я слышал выстрел и слышал его крик. Потом он появился на сцене перед троицей музыкантов, сказал “С ума сойти!” и скопытился.

Мэрфи гадким тоном пробормотал:

– Сколько времени прошло с того момента, как он закричал, до того, как скопытился?

– Может, секунд пять. Может, меньше.

– А сколько, по твоему мнению, длится мгновенная смерть?

– Здесь ты врач, – вежливо ответил я.

– Я сделаю вскрытие, как только тру повозка привезет его ко мне. Что-нибудь еще надо?

– Его личные вещи. Ничего, если я пошарю у него в карманах?

– На здоровье. Думаю, ты так или иначе сделал бы это.

Я проверил все карманы и найденное барахло передал Полнику, чтобы тот отнес его в офис Полуночной.

Труповозка прибыла, и тело унесли. Мэрфи уехал с ними. Вернулся Полник.

– Куколка в конторе совсем не рада, что мы используем ее помещение, лейтенант.

– Мы заставим мэра прислать ей официальные извинения. Даже, наверное, я сам сейчас туда схожу и извинюсь. Этого должно хватить до получения ею официального извинения мэра.

– Точно, лейтенант, – согласился Полник.

– Я переговорю с ней. Когда закончу, хочу побеседовать с этими тремя парнями, – я кивнул в сторону музыкантов.

– С каждым в отдельности?

– Для начала со всеми вместе. А потом с официантом.

– Каким официантом?

– С тем, который играл роль пуделя в истории о пуделе и официанте. Мимо тебя он не проскочит. Он здесь единственный коккер-спаниель, носящий рубашки.

Я вернулся в офис Полуночной.

– Вам никогда не говорили, что невежливо входить без стука? – холодно поинтересовалась девушка при моем появлении.

– Я размещаю в этой конторе мой штаб на настоящее время, если вы не возражаете.

– Возражаю и даже очень. Но, думаю, сейчас это не имеет ровным счетом никакого значения!

В руках у нее было что-то очень похожее на новый стакан водки с тоником. Она сидела на диване, скрестив ноги, высоко обнажив прелестной формы бедра. Я прошел к бару и налил себе виски, бросив в стакан пару кубиков льда. Потом подошел к столу и сел.

Полник выложил содержимое карманов мертвеца аккуратной кучкой на край стола. Я все осмотрел: полупустая пачка сигарет, спичечная коробка с надписью “Золотая подкова” на одной стороне, “Полуночная в полночь” – на другой. Еще там был скомканный грязный носовой платок, сто шестьдесят долларов десятидолларовыми купюрами, расческа и пилочка для ногтей.

Последним предметом был засаленный, грязный конверт, на котором было что-то накарябано карандашом.

Я прочитал: “С Оскаром ничего не выйдет, травяной человечек”.

Я вернулся к пачке сигарет, вытащил одну и понюхал. Марихуана, никакого сомнения нет, то есть с “травяной” частью послания все ясно, она сама себя объясняет.

– Вы знаете кого-нибудь по имени Оскар? – обратился я к Полуночной.

– Сам должен знать!

Эта фраза прозвучала гонгом в моем вакууме. Итак, горячий любитель джаза задумал добыть у кого-то какие-то деньги, а надпись на конверте советует ему свалить в канаву. Может, он не захотел так просто сваливать, и, может быть, именно поэтому кто-то всадил в него пулю.

Итак, я – маленький гений, но по-прежнему ничего так и не знаю. Даже его имя мне неизвестно.

Я отхлебнул виски, открыл верхний ящик стола, который оказался пустым, сунул туда все это барахло и закрыл ящик.

– Чувствуйте себя как дома, лейтенант. Подушечка вам не нужна?

– Было бы чудесно. Но мне надо создавать видимость хоть какой-нибудь работы. Нужно задавать вопросы и выслушивать ответы. Что если начать с вас?

– Только побыстрее, лейтенант. Мне нужно организовать, чтобы здесь все прибрали, пока обслуга не разошлась по домам.

– Сделаю все быстро. Во-первых, самое главное. Вы здесь работаете каждую ночь?

– Мы закрыты по воскресеньям и понедельникам.

– Отлично, – голос мой был полон тепла. – А что вы делаете вечером в понедельник?

Глава 3

Троица джазменов сидела в ряд за столом, и впервые я взглянул на них по отдельности.

Первым сидел Кларенс Несбит. Кларенс казался потерянным без своего контрабаса. Он был очень толст и все в том же котелке, в котором выступал на сцене.

В центре расположился Уэсли Стюарт, трубач, лидер трио. Уэс был тощ и высок, лицо украшали большие голубые глаза, в которых постоянно блуждала какая-то мечтательность, нос был несколько длинноват.

Группу завершал Куба Картер, темноволосый коротышка с примесью филиппинской крови. Тонкие черные усики оттеняли рот со сверкающими белоснежными зубами. Сейчас весь его вид говорил о крайней степени недоумения.

Я закурил сигарету и посмотрел на них. Куба нервно зашевелился, а пальцы Кларенса стали описывать в воздухе пируэты, дергая за невидимые струны контрабаса.

Мне показалось, что вот-вот я услышу звуки его инструмента, хотя я точно знал, что он сидит передо мной, прислонившись к стене, и никакого контрабаса в его руках нет. Только Уэсли Стюарт сидел абсолютно неподвижно, – взор его был туманен, казалось, он пребывал за миллионы миль от офиса Полночной О'Хара.

Я прокашлялся.

– Парни, вы должны были видеть, как это все случилось. Не расскажете ли мне теперь обо всем? Довольно долго они молча переглядывались.

– Думаю, мы ничего не видели, лейтенант, – первым решился нарушить молчание Кларенс. – Мы играли нашу любимую “Пустынную улицу” и больше ни на что не обращали внимания. Первое, на что я обратил внимание, – это был крик какого-то типа, и я подумал, что мы классно подзавели его. Но уж потом я услышал этот “трах” и старался понять, что же это такое, и не сбиться с ритма, а потом этот чудак появляется прямо перед нами, его болтает из стороны в сторону; я решил, что это какой-то чокнутый, и уж было собрался дать ему по балде контрабасом, но тут он вдруг кувыркается с копыт, я вижу на рубашке кровь, и, о Боже, ему копец!

– Он правильно все толкует, ищейка, – Куба стал быстро кивать головой, широко мне улыбаясь. – Точно все говорит – мы ничего не видели, пока этот парень не превратился в труп прямо перед нашими глазами. Я взглянул на Уэсли Стюарта.

– А ты что скажешь?

Очень медленно тот сфокусировал свой взгляд на мне.

– О чем это вы, лейтенант? – голос его был тих и, приятен.

– Ты подтверждаешь то, что говорят твои приятели?

– Простите меня, – он виновато улыбнулся. – Я вас не слушал. Я размышлял, как нам лучше сыграть “Тоскливый блюз”, стоит ли использовать саксофон-тенор вместо...

– Мне жаль прерывать твои музыкальные изыскания, но

полчаса назад здесь убили человека. Хочу услышать твою версию событий. Скажем, видел ли ты, кто его убил, и так далее...

– Понял, понял, лейтенант, – он опять слабо улыбнулся. – Простите меня, я абсолютно ничего не видел, пока он не появился перед нами. Когда я играю, я ничего не вижу. Наверное, так. Я даже не слышал никакого крика или выстрела, хотя потом мне Кларенс и говорил о них. Я видел только, как этот парень встал перед нами, а потом упал на сцену за мертво.

– Кто-нибудь из вас его знает? – задал я вопрос, и все трое отрицательно покачали головами.

– Вы видели когда-нибудь его здесь? Все они снова замотали головами.

– Где-нибудь в другом месте вы его раньше встречали? И снова отрицательный ответ.

– Никто из вас ничего не видел. Не видели никого с пистолетом в руке? Не видели никого сзади вас, слева или справа, кого-нибудь, кто вытащил бы пушку и застрелил беднягу?

– Извините, лейтенант, – наконец произнес Уэсли Стюарт. – Думаю, мы слишком были заняты своим делом в то время.

– О'кей. Спасибо за помощь. Они разом поднялись со стульев и в ногу зашагали к двери. Когда они ушли, в офис вошел Полник.

– Ну как идут дела, лейтенант? – с надеждой в голосе спро-

сил сержант.

– Девушка ничего не знает – по ее словам. Эта троица ничего не знает – по их словам. Давай тогда официанта.

Через полминуты передо мной сидел неряха-официант.

Я пристально взглянул на него. Он был высокого роста и крепкого телосложения. У него были темные густые волосы, которые надо было подстричь еще месяцев шесть назад, а причесать прямо сейчас. Он сидел развалившись на стуле, с вызовом глядя на меня. У меня сразу же сложилось впечатление, что в роли допрашиваемого он выступает не впервые.

– Где вы находились, когда все это произошло?

– В кухне. Давал заказ для четырех бродяг, занявших столик рядом с вашим. Джо помогал мне, когда я услышал дикий крик, а потом и выстрел. Я рванулся в зал, чтобы увидеть, как этот парень покрутился на сцене, перед тем как свалиться.

– Вы никого не видели за сценой?

– Не было никого за сценой, – твердо заявил лохматый. – Никого там не было, кроме этих троих олухов, лабающих по-чем зря.

– Вам не нравится джаз?

– Точно так, лейтенант. Мне нравится тишина.

– Этот парень, которого никто не убивал, знаком ли он вам? Был ли он здесь когда-нибудь до этого? Вы уже говорили, что никогда его раньше не видели.

– Совершенно верно, лейтенант, – официант кивнул.

Я вытащил спичечный коробок, найденный в кармине трупа, и открыл его. Там осталось всего три спички.

– Может, он решил, что сегодня 4 июля. Здорово же он попользовался спичками за те десять минут, что был в заведении перед тем, как его убили!

– Думаю, что он раньше уже бывал здесь. Может, я просто его раньше никогда не замечал.

– Может, вам следует носить очки. Может быть, нам с вами нужно поближе познакомиться в уютненьком отделении полиции и попытаться поработать над вашей памятью. А вдруг в ней наступят какие-нибудь улучшения.

– Не говорите со мной так, лейтенант. Думаю, я просто не вспомнил его, я был так расстроен, его застрелили, да и вообще...

– Сколько раз он был здесь до сегодняшнего дня?

– Четыре или пять раз. Постоянно курил свои косяки. Его можно было учуять столиков за пять.

– Как вас зовут?

– Бут. Эдди Бут.

– Что вас заставило забыть этого парня, когда я первый раз спрашивал о нем? Бут нервно сглотнул.

– Вы жестоко поступаете со мной, лейтенант.

– Да я даже и не пытался. Вам бы посмотреть на меня, когда я в гневе.

– Полуночной не нужны лишние беспокойства. А от этого парня так и веяло неприятностями с самого первого раза,

когда я его увидел.

– Косяки?

– Точно ! Всегда под балдой.

– Как его звали?

– Я не знаю, лейтенант.

– Уверены в этом?

– Абсолютно.

– Продолжайте.

– Он о чем-то говорил с Полуночной, – прошептал официант. – И я видел, что ей это совсем не нравится, но, похоже, она вынуждена была почему-то его терпеть.

– У него что-то на нее было?

– Я ничего не знаю, меня это совершенно не касается, лейтенант. Я здесь только работаю. Может, и было у него на нее что-то, а может, и нет.

– Он разговаривал с ней здесь или в зале, за одним из столиков?

– Парень обычно приходил раз в неделю. Впервые он пришел недель пять назад. Посидел немного за столиком, потом спросил Полуночную. Последние пару раз проходил прямо к ней в офис и был там минут двадцать, так мне кажется, а потом уходил.

– Сама она когда-нибудь уходила вместе с ним? Эдди Бут решительно покачал головой.

– Полуночная никогда не уходит до закрытия заведения, а это бывает не раньше трех утра. Он же уходил самое позднее

В час ночи.

– Вам известно, где он живет?

– Я же уже говорил, лейтенант, что даже не знаю его имени!

– О'кей, Эдди. Что-нибудь еще знаете?

– Да нет, вроде бы все.

– Тогда можете идти. Бут заколебался.

– Вы собираетесь разговаривать с Полуночной?

– А вы как думаете?

– Просто, понимаете, ей вряд ли понравится, если она узнает, что я вам рассказал о ее встречах с этим любителем травки. Ей совсем это не понравится, и мне не поздоровится.

– Я сделаю все наилучшим образом, Эдди. Вы же мне оказали услугу.

Бут подумал несколько секунд над моей последней фразой и, похоже, не пришел к оптимистичному выводу для себя.

– Ну что ж, хорошо, лейтенант, – наконец сказал он и направился к выходу.

Я вызвал Джо, и тот полностью подтвердил рассказ Бута.

Я проводил Джо из офиса. Троица джазменов была опять на сцене. Кларенс извлекал неслышные звуки из своего инструмента, Куба тихонько отстукивал одному ему слышные ритмы на своей ударной установке, а Уэсли просто сидел неподвижно с закрытыми глазами.

Полуночная следила, как два парня тщательно отмывают

пол от следов крови. Посетители, не успевшие покинуть зал до появления Полника, выглядели несчастными и трезвыми.

– У меня есть все их имена и адреса, лейтенант. Хотите допросить их, или отпустить их по домам?

– Пусть расходятся.

Я прошел на сцену, встал там, оглядываясь по сторонам. Через несколько секунд ко мне подошел Полник.

– Могу я еще что-нибудь сделать, лейтенант?

– Можешь присоединиться ко мне и заняться размышлениями. Здесь у нас сцена, верно?

– Верно! – с энтузиазмом ответил сержант.

– За ней чистое пространство в шесть футов до стены, верно?

– Верно!

– Слева две двери. Одна ведет в офис мисс О'Хара, а другая – прямо в кухню. Других дверей нет, верно?

– Верно!

– Покойник, перед тем как он стал покойником, должен был стоять позади сцены, когда кто-то выпустил в него пулю. Потом он выходит на сцену, шатается перед тремя музыкантами и умирает. Верно?

– Верно!

– Джазмены его не видели. Они сидели к нему спиной, да и в любом случае они играли все время. Мисс О'Хара была в своем офисе. Бут в кухне. Никто не мог выстрелить поверх голов музыкантов и заставить пулю лететь по кривой линии,

а потом опуститься на пять или шесть футов прямо в грудь этого парня. Верно?

— Верно!

— Итак, кто его убил?

— Вер... — Полник моргнул пару раз.

— Раз ты в затруднении, то я могу быть счастлив.

— Пистолета нигде не нашли, — добавил мудрый сержант. — Значит, он не мог сам себя убить, ведь так?

— На этот счет у меня есть своя версия: парень застрелился, а потом проглотил свою пушку. Вскрытие покажет, верна ли моя теория. Сейчас же я собираюсь вернуться в офис и еще раз переговорить с мисс О'Хара. Не думаю, что она была слишком откровенна со мной в первый раз.

Сержант Полник продолжал взвешивать все плюсы и минусы моей теории самоубийства этого парня. Нахмурившись, он взглянул на меня.

— Вы шутите, лейтенант?

Позади нас раздался какой-то скрипучий звук, будто кто-то прочищал глотку.

— Лейтенант постоянно шутит, — сказал Хэммонд Полнику. — Он только притворяется полицейским. Самая великая шутка всех времен и народов!

— Ты уже давно здесь, волшебник сыска?

— Достаточно давно. Не беспокойся о разговоре с этой леди. Я сам этим займусь.

— Отлично. Пошли в офис, там я тебе расскажу все осталь-

ное.

Я провел его в контору Полуночной. Хэммонд прошел к столу и сел на стул с начальственным выражением на лице.

– Хорошо, Уиллер. Давай выкладывай.

– Тебе нужна подсказка? – поинтересовался я.

– Остроумный парень! Ты уже достаточно долго занимаешься этим делом, так что говори все, что знаешь, а потом можешь уматывать. Минуты тебе вполне должно хватить, правильно?

– Или даже еще меньше, – согласился я. Я кратко пересказал ему свои действия после убийства. Мне было ясно, что Хэммонд не хочет мне верить, но обижаться на него я не стал.

– Вот, все это вам. Желаю удачи, она вам точно нужна. Даже примерному полицейскому она иногда необходима.

Я повернулся к выходу.

– Мне все это не представляется таким уж запутанным, Уиллер, – буркнул Хэммонд из-за стола. – На сколько я понимаю, эта певичка все и провернула.

– Полуночная? Это мысль. Может, она засунула пистолет за пазуху своего почти абсолютно прозрачного платья после того, как пристрелила этого типа. Если тебе нужна помощь, то я готов остаться и вместе с тобой посмотреть, что там у нее под платьем.

– Убирайся вон! – рявкнул Хэммонд.

– Уже иду, – я укоризненно покачал головой. – У тебя

тонкая натура, Хэммонд. Я просто сразу не вру бился в твою фразу “Давай выкладывай!”.

Я покинул офис и пошел к Аннабел Джексон, занимающейся подбором актеров на постановку пьесы о временах Гражданской войны, в которой я выкупал в роли Линкольна, только без бороды, конечно.

– Со мной все кончено.

– Истинная правда.

– Только по долгу службы. Почему бы нам...

– Ой, ой, сейчас разрыдаюсь!

– Короче, давайте сматываться отсюда, пока Хэммонд не совершил еще одно убийство, пытаюсь расследовать первое.

Мы поймали такси, и Аннабел не умолкала ни на секунду всю дорогу до ее дома.

– ..оставил меня сидеть здесь одну, когда сам торчал в офисе вместе с этой.., этой женщиной! – выкрикнула Аннабел, с треском захлопывая дверцу такси.

– Конечно, она женщина, – произнес я с любовью. – Полуночная в полночь – такое свидание я бы никогда не пропустил, а ее пение не имеет ровным счетом никакого значения.

– Да вы! – она поперхнулась. – Да вы волк в собачьей шкуре!

– Не понимаю, что вас так сводит с ума. Полуночная заводит меня, вас заводит джаз, так что разница совсем небольшая.

Тут я сообразил, что разговариваю сам с собой. Я возвра-

тился к себе домой, воображая, как бы могли события развиваться по-другому. Потом позвонил в гараж, где мне сообщили, что к утру “хейли” будет на ходу. Я уютненько устроился в мягком кресле со стаканом виски в одной руке и сигаретой в другой, наслаждаясь звуками голоса Пегги Ли, исполняющей “Черный кофе”.

Музыка нежно лилась из динамиков, стратегически выверенно расположенных на стене, когда зазвонил телефон.

Я снял трубку.

– Все нормально, дорогая. Я вовсе на тебя не обижаюсь.

– Уиллер! – прорычал мужской голос. Этот голос я сразу узнал. Такой рык я выделю на любой собачьей выставке.

– Он вышел, – теряя всякую надежду, брякнул я в трубку.

– Говорит шериф Лаверс! – взревел голос.

– Приветик, – быстро среагировал я.

На другом конце провода слышалось нечленораздельное мычание.

– Прекрати свои глупые шуточки! – В голосе шерифа появились угрожающие нотки. – Немедленно приезжай в отдел прямо ко мне.

– Это будет первым, что я сделаю утром, – честно пообещал я.

– Я сказал – немедленно, а это означает – сейчас! И для информации, Уиллер: уже утро!

Мои барабанные перепонки чуть не лопнули, когда шериф с грохотом бросил трубку.

Глава 4

Когда я прибыл, в конторе шерифа полыхала парочка вещей. Во-первых, ярко горел свет, во-вторых, все внутри меня горело ясным пламенем. Я чувствовал себя маньяком, страдающим от бессонницы, который не может уснуть, так как его одолевают мысли о прекрасных блондинках.

Я зашел в приемную и уже собрался было открыть дверь, когда услышал голос. Плюхнувшись в ближайшее кресло, я закурил сигарету и погрузился в непечатные мысли об окружном шерифе.

Через пять минут дверь открылась, и появился высокий стройный тип. У него были аккуратно подстриженные седые волосы, крючковатый шнобель и очень тонкие губы.

На лице застыло выражение презрительного высокомерия преуспевающего бизнесмена. Франт шел легко – в безукоризненно сшитом костюме, рубашке, изготовленной на заказ, и шелковом итальянском галстуке. Прошел мимо, не взглянув на меня.

Лаверс подождал, пока тот выйдет из конторы, и только потом кивнул мне.

– Похоже, ты не слишком торопишься, Уиллер! – проворчал шериф.

Я опустился в кресло для посетителей, но не то, в котором была незакрепленная пружина. В прошлый раз она чуть бы-

ло не нанесла непоправимый урон моему мужскому достоинству.

– Ах, этот труп, что ты нашел вчера вечером, – пробурчал Ливере. – Лучше б его совсем не было.

– Согласен. Если именно из-за этого я сейчас здесь.

– Имя Ландис тебе что-нибудь говорит?

– Конечно. Этот тип – хозяин “Трибуны”.

– И это как раз он только что вышел из моего кабинета. А твой труп – это Джонни Ландис, его сын!

– Этот курильщик травки...

– Бродяга, хотел ты сказать, и ты прав. Но тем не менее он сын Ландиса, и старикан мечет громы и молнии, жаждет отмщения, желает, чтобы убийца понес заслуженное наказание. Остальные заголовки сегодняшних газет можешь придумать сам.

– Мистер Ландис – большая шишка, – согласился я.

– Мистер Ландис – один из отцов города, крупная величина в политической жизни всего штата. Мистер Ландис управляет крупнейшей городской газетой. Мистер Ландис способен создать вакантные места и в нашем отделе! – Шериф яростно ткнул большим пальцем в свое кресло. – Надеюсь, я ясно излагаю, Уиллер?

– Абсолютно, шериф. У меня даже есть нехорошее предчувствие, почему именно я нахожусь сейчас здесь.

– Лейтенант Хэммонд официально занимается расследованием этого дела. Но у меня в этом деле есть и личный ин-

терес – моя шея. Кто бы ни убил Джонни Ландиса, но если он не окажется за решеткой в течение недели, я стану безработным, понятно?

– Ну а что я могу сделать? – невинно спросил я, будто сам не знал.

– Ты будешь защищать мои интересы, Уиллер. И свои собственные. Если Ландис в силах сместить окружного шерифа, мне и говорить тебе не надо, что он может сделать с лейтенантом из отдела по расследованию убийств.

– Я вас полностью и до конца понимаю, шериф. Буду работать вместе с Хэммондом или?..

– Официально расследованием занимается Хэммонд, и также официально ты выполняешь кое-какие мои задания, и это все. Неофициально: если Хэммонду не удастся найти убийцу, то лучше бы тебе сделать это – и побыстрее!

– Хэммонд будет просто счастлив!

– С каких это пор тебя заботит, как чувствует себя Хэммонд?

– Для начала мне хотелось бы знать кое-какие детали. Каким образом Хэммонду стало известно, что труп является Джонни Ландисом?

– Певичка сказала ему, – буркнул Лаверс. – Ну эта, со странным именем... Лунная?

– Полуночная.

– Точно.

– Что она рассказала Хэммонду?

– Этот Ландис надоедал ей, я имею в виду сына. Он хвастался перед ней, что его папаша – сам Даниель Ландис, и она боялась резко отшить его из-за отца. Она говорит, что Джонни был сущим наказанием для ее заведения, обыкновенным занудой.

– Она не сказала, почему кто-то хотел его смерти? Лаверс пожал плечами.

– У любого, по ее словам, с кем встречался Джонни, были причины прикончить его.

– И это все, что Хэммонд сумел выудить из нее?!

– Да, почти все. Хэммонд уверен, что это именно она прикончила Джонни Ландиса. С помощью полицейской матроны он обыскал ее, но ничего не обнаружил.

– У девушки с такой фигурой? Я крайне удивлен, шериф.

– Я имею в виду, он, тьфу, она не нашла пистолет! – прорычал Лаверс. – И прекрати свои шуточки хотя бы сегодня, Уиллер!

– Я только начинал свои шуточки с прелестной блондинкой, когда вы позвонили, – нагло соврал я. – А теперь вы считаете, что я трачу их на вас?

Лаверс закурил сигару и стал листать какие-то бумаги на столе.

– Вот результаты вскрытия, – проворчал он. – Руля 22-го калибра. Следов сильных наркотиков не обнаружено, по видимому, к этой стадии он еще не подошел – только баловался травкой.

– Это будет утешением его дорогому папаше. Но травкой-то теперь балуются почти все ребята. Шериф пыхтел сигарой.

– К этому делу надо подойти серьезно, Уиллер. Нас жием изжарят – всех нас! Тебя, меня, весь отдел, вообще всех, кто имеет хоть какое-то касательство к этому делу.

– Ландис так глубоко переживает смерть своего сына?

– Да ему наплевать на смерть собственного сына, – кисло ответил шериф. – Его беспокоит только собственный престиж. Семейство Ландиса требует отмщения, ты следишь за моей мыслью? В жилах Ландиса вместо крови – ледяная вода. Он произвел идентификацию тела с меньшими эмоциями, чем если бы он одобрил передовицу своей газеты. Он дал нам понять, что практически не сомневался в подобной смерти своего сына. Похоже, он даже доволен, что его предположения подтвердились. Единственное, что нам удалось у него узнать, так это то, что он выгнал сына всего месяца три назад, когда обнаружил пристрастие Джонни к марихуане.

– В этом он похож на большинство отцов нашего времени.

– Ему неизвестно, чем занимался Джонни последние три месяца, не знает даже, где тот жил. Ландис перечислял восемь сотен долларов на счет сына каждый месяц, и все. Он уверен, что Джонни полностью деградировал за это время, и даже высказал предположение, что его убийство связано с неуплатой денег за эту проклятую траву.

– А что по этому поводу думает миссис Ландис?

– Она умерла.

– Это меняет дело.

– Но есть еще дочь. Лет на пять младше своего непутевого брата. Живет с отцом. Отсюда Ландис направился домой, чтобы сообщить ей об этом.

Позже ты сможешь поговорить с его дочерью. Может, ей что-нибудь известно о том, чем занимался ее братец в эти последние три месяца.

– Хорошо. А разве Хэммонд не может это сделать?

– Меня совершенно не интересует, чем будет заниматься Хэммонд! – прогремел шериф. – Ты работаешь сейчас на меня, Уиллер, и делай то, что тебе говорят!

– Есть, сэр, – послушно рявкнул я. – А вдруг я встречу с Хэммондом? Я буду довольно глупо выглядеть.

– Не волнуйся, этого не произойдет!

– У меня такое паскудное ощущение, что так и будет. Хэммонд не будет ее допрашивать, потому что ему прикажут не соваться туда, верно?

– Мы тут, ну, наш отдел, обязаны сообщать Ландису о каждом предпринятом нами шаге в расследовании убийства его сына, – с неохотой объяснил Лаверс. – Ландису вряд ли понравится, если мы будем официально допрашивать его дочь.

– Но совершенно другое дело, если мы поговорим с ней неофициально, правильно? – поинтересовался я. – Если он об этом узнает, то вы принесете все необходимые извинения

ему, объяснив, что этот кретин Уиллер всегда лезет не в свое дело, и понизите меня в звании до сержанта?

– Ну, до этого вряд ли дойдет, – шериф совершенно неубедительно улыбнулся. – Официально ты получишь выговор, и на этом все кончится.

– Теперь я понимаю, что ощущает барашек, когда его приносят в жертву, – с горечью пробормотал я. – Надеюсь, у вас уже готов сосуд для моей крови, после того как вы перережете мне горло.

– Пойми меня правильно, – шериф метнул яростный взгляд в мою сторону. – Это дело нам надо расследовать, и расследовать быстро. И не имеет ровным счетом никакого значения количество лейтенантов, сломавших на нем шею.

– Что мне нравится больше всего в работе на вас, шериф, так это уверенность в завтрашнем дне. Лаверс добродушно ухмыльнулся.

– Тебя называют самым оригинальным полицейским в нашем отделе. А это как раз то дело, в котором у тебя есть отличный шанс подтвердить свою репутацию.

Глава 5

В четверть одиннадцатого я припарковал свой “хейли” у дома Ландиса.

Особняк был построен в староанглийском стиле. Он располагался посередине пятиакрового участка, был окружен аккуратно подстриженной изгородью, по поверхности искусственного озера плавали прекрасно сделанные чучела семи лебедей.

Я не мог скрыть разочарования, когда нажал на кнопку звонка, вмонтированную в тяжелую дубовую дверь, ожидая услышать по крайней мере “Джона Пила” в исполнении духового оркестра, а вместо этого услышал обычное треньканье.

Дверь открыл дворецкий со скрипучим голосом.

– Доброе утро, сэр, – холодно сказал он. – Если вы что-то продаете, то я боюсь, что...

– Я хотел бы поговорить с мисс Ландис.

– Боюсь, это невозможно. В семье произошла крупная неприятность и поэтому...

– Я лично присутствовал при этой неприятности. Лейтенант Уиллер из отдела по расследованию убийств. – Я продемонстрировал ему свой верный жетон, что доказывало мою причастность к фараонову клану или к убийству полицейского. – Я хочу поговорить с мисс Ландис. Настаиваю на

этом.

– Хорошо, сэр. Следуйте за мной.

Я прошел за ним по вестибюлю, отделанному мореным дубом, мимо железных рыцарей, стоящих у подножия широкой лестницы, пока мы не очутились в приемной, также отделанной дубом.

– Подождите здесь, сэр. Я доложу о вашем приходе.

– Первая в моей жизни реклама.

Дворецкий вышел, с особой тщательностью закрыв за собой дверь. Я закурил сигарету и стал ждать. У меня появилось серьезное подозрение, что эта приемная обычно служит только в качестве раздевалки.

Минут через пять дворецкий вернулся.

– Мисс Ландис примет вас в гостиной. Следуйте за мной. Я так и сделал.

Гостиная была отделана кедром – явное нарушение традиции. Огромный камин сверкал полированным металлом. На стене висел мушкет семнадцатого века и портрет какого-то хмурого кавалера той же эпохи. Я его отлично понимал. Смеяться в таком доме было бы верхом неприличия.

На полу лежал роскошный толстый ковер с пестрым рисунком. Кушетка и четыре кресла были обиты старинным тисненым ситцем, что ясно говорило об их почтенном возрасте.

Я попробовал представить себе дочь хозяина такого дома: прямые волосы, собранные в пучок на затылке, строгое, мо-

нашеского вида платье, закрывающее тело с головы до пят. Вот она смахивает слезы белоснежным платочком, выжимая его в фарфоровый молочничек восемнадцатого века, украшенный розочками.

– Мисс Ландис сейчас будет, сэр, – объявил дворецкий и удалился, как и должен был поступить настоящий дворецкий.

Я подошел к кушетке и плюхнулся на нее. Пружины прогнулись не более чем на одну восьмую дюйма. Внимание мое привлекла прекрасно расписанная ваза, стоящая на столике рядом с кушеткой: то ли пепельница, то ли фамильная реликвия. В фамильных реликвиях есть одно несомненное достоинство – их легко использовать по другому назначению. Я затушил в вазе сигарету и закурил другую.

Я успел стряхнуть еще пару раз пепел в вазу, когда дверь отворилась и вошла дочка-монашка. При виде ее сигарета вывалилась у меня изо рта прямо на ковер.

Она была среднего роста, и это было единственным “средним” во всем ее, облике. Брюнетка с блестящими волосами, обрамляющими лицо, что делало ее похожей на эльфа, прелестного эльфа. Полные губы слегка надуты. Глаза огромные, почти фиолетовые, глядели из за стекол очков без оправы.

На ней была белая мужская сорочка с засученными рукавами, буквально прилипшие к стройным, абсолютно женственным бедрам сильно вылинявшие джинсы, через кото-

рые просматривались очертания небольшого аккуратненького холмика Венеры. Верхние три пуговики рубашки были не застегнуты, и я уловил движение ее вздымающейся очаровательной груди. Даже успел рассмотреть небольшие розовые соски, хотя и не так четко, как хотелось бы. Кожа ее была медового оттенка, и я не сомневался, что она и по вкусовым качествам соответствует этому продукту. Выглядела девушка просто прелестно. Я готов был проглотить ее прямо сейчас и прямо здесь.

– Я Рина Ландис, – произнесла она высоким, задышающим голосом.

Я поднял сигарету с драгоценного ковра и вскочил на ноги.

– А я лейтенант Уиллер.

– Я знаю, Тэлбот мне сказал.

– Дворецкий?

– Ну да. Он великолепный экземпляр доминантного типа личности. Если б был женат, я уверена, он бы избивал свою супругу!

– А я думаю, что все было бы как раз наоборот. У любой женщины есть предел терпения.

– Как ваше имя?

Я непроизвольно моргнул.

– Эл, – слегка хрипло получилось у меня.

– Называйте меня просто Рина. Думаю, невозможно хорошо узнать друг друга, обращаясь формально. Вы со мной

согласны, Эл?

Девушка села рядом со мной на кушетку. Близость проглядывавших розовых сосков совершенно путала мои мысли.

– Вы хотели поговорить о Джоне. Отец мне все рассказал сегодня утром. Вы знаете, что он курил марихуану?

– Сигареты с травкой были обнаружены в его кармане, – признался я.

– Я пробовала ее курить, – заявила на полном серьезе Рина. – Но бросила.

– Рад это слышать.

– Слишком по-детски. Но тогда и Джон поступал по-детски. Кроме того, травка это только начало. Через какое-то время вы начинаете употреблять героин и незаметно превращаетесь в раба привычки. Я не верю в привычки, а вы, Эл? Мне нравится ощущать себя свободной от всех условностей и поступать так, как я хочу. Разве вам не нравится поступать так, как вам хочется, Эл? Вы выглядите очень молодо для лейтенанта полиции. Я думала, все они – выжатые лимоны и совсем не способны на эмоциональное восприятие. Но вы, я вижу, можете быть высоко восприимчивым, Эл. А как повашему, я могу эмоционально стимулировать?

– Я.., я...

– Вам и не надо ничего говорить мне, – девушка восхитительно улыбнулась. – Я и так это вижу по тому, как вы неловко себя чувствуете. Вам не хочется поцеловать меня, Эл?

Я поперхнулся табачным дымом и затушил сигарету в вазе.

– Отец, наверное, сразу бы кончился, увидев, как вы пользуетесь этой вазой. Ведь эта антикварная вещь восемнадцатого века – настоящий Веджвуд. Вы первый человек, нашедший практическое применение для нее.

– Ваш брат... Не скажете, почему...

– Не беспокойтесь по поводу Тэлбота. Он слишком дорожит своей работой, чтобы помешать нам. Другие слуги сейчас на кухне, а это в самом дальнем конце здания. Вы можете заняться со мной любовью, Эл, если, конечно, хотите. Я еще никогда не была с офицером полиции. Мне это кажется восхитительной мыслью. Естественно, вы должны вести себя в рамках приличия. Можете поцеловать меня, слегка пообнимать, но не больше. Мне понадобится совсем немного времени, чтобы понять, нравятся мне ваши действия или нет.

Рина достала меня. Я уже завелся. Поэтому быстро вскочил на ноги и зашел за кресло. Там я был в некоторой безопасности, но далеко не в полной.

– Прошу вас, – умолял я. – Я всего-то и хочу задать вам несколько вопросов.

– Разве вы не хотите заняться со мной любовью? – Ее громадные фиолетовые глаза стали еще больше. – Разве вы не считаете меня привлекательной? Или вы предпочитаете, чтобы я первая обняла и поцеловала вас?

– Я предпочитаю, чтобы вы сидели там, где сидите, и

немного помолчали, – прорычал я. Рина надула очаровательные губки.

– Ну, сейчас вы так грубы, да еще и кричите на меня, Эл. Вам что, брюнетки не нравятся?

– Я думаю, вы прекрасны. Мне нравятся такие прелестные брюнетки, как вы. Мне страшно хочется обнять вас и поцеловать, но я здесь на работе, и мне ее надо выполнять. Я полицейский, и мне платят именно за это. Еще вопросы?

– Да, я вижу, у вас высоко развито чувство долга, Эл. Мне не хочется менять систему ваших жизненных ценностей, все Э10 может привести ко всяким психологическим комплексам и неврозам. Поэтому задавайте свои вопросы, а когда вы с ними покончите, мы сможем спокойно заняться любовью.

Рина удобно расположилась на кушетке.

– Ну, вперед! – почти приказала девушка.

– У вас есть какие-либо предположения, почему был убит ваш брат? – тщательно выговаривая слова, произнес у, восстанавливая дыхание. – Я понимаю, что некоторые вопросы могут затрагивать болезненные для вас темы, но надеюсь, вы осознаете, что...

– Болезненные? – Рина вежливо посмеялась. – Думаю, вы меня совсем не поняли, Эл. Я ненавидела своего братца с того момента, когда впервые пошла самостоятельно, и задолго до того, как произнесла первое слово. Он был жестоким и гадким. Вам, наверное, известно, что некоторые мальчишки любят обрывать мухам крылья?

– Вообще-то да, но...

– А Джон был из тех, кто предпочитает выкручивать руки другим мальчишкам, чем отрывать крылья у мух.

– Тогда, – с сомнением в голосе начал я, – мне даже легче задать следующий вопрос: будете ли вы оплакивать смерть брата?

– Да ни в коем случае. Я буду ее праздновать. Я бы уже сейчас вдрызг напилась, если бы раньше не завязала с алко-голем. Вы, наверное, знаете, что алкоголь – это просто слабый наркотик. Он тоже формирует привыкание, а мне нравится быть совершенно свободной от привычек и давления извне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.